

TERRY PRATCHETT

TERRY PRATCHETT

The Wee Free Men

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

Маленький свободный народец

Москва

2022

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
П70

Terry Pratchett

THE WEE FREE MEN

Copyright © Terry and Lyn Pratchett, 2003
First published as «The Wee Free Men» by Random House
Children's Publishers UK, a division of The Random House
Group Ltd.

Перевод *Н. Аллунан*

Пратчетт, Терри.

П70 Маленький свободный народец / Терри
Пратчетт ; [перевод с английского Н. Аллу-
нан]. — Москва : Эксмо, 2022. — 384 с. — (Тер-
ри Пратчетт).

ISBN 978-5-04-120996-4

Девятилетняя Тиффани Болен никогда не любила сказки. Вернее, не доверяла им. Почему принца непременно называют прекрасным, а принцесса глупо себя ведёт и чуть что падает в обморок? Почему всё именно так, а не иначе? Тиффани казалось: сказки просто хотят, чтобы им верили, и морочат людям головы.

Но однажды, чудесным летним днём, девочка встречает на берегу реки сказочное чудовище. Оно существует и совершенно точно собирается кого-нибудь съесть. А вскоре выясняется: это чудовище не единственное...

Что ж, Тиффани как раз решила стать ведьмой. Значит, разбираться с такими вещами – её забота. Ведь ведьма совсем не обязательно должна быть старой и злой!

Первая книга о приключениях юной ведьмы Тиффани Болен.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© Аллунан Н., перевод на русский
язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-120996-4

Глава 1

ШАНДАРАХ СО ЗВОНОМ

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ЧТО-ТО НАЧНЕТСЯ, НАЧИНАЕТСЯ ЧТО-ТО ЕЩЕ.

Летний ливень, похоже, не знал, что он летний, и рушился на землю с яростью зимней бури.

Констанция Тик сидела возле полуразрушенной изгороди, дававшей ей сомнительное укрытие от непогоды, и исследовала Вселенную. На дождь она не обращала внимания. Ведьмы сохнут быстро.

Исследование Вселенной производилось при помощи двух палочек, связанных между собой тонкой бечевкой, камешка с дыркой посередине, яйца, чулка Констанции Тик (тоже дырявого), булавки, клочка бумаги и крошечного огрызка карандаша. В отличие от волшебников ведьмы умеют обходиться малым.

Констанция Тик соорудила из упомянутых предметов, затейливо связав и перепутав их, некое... приспособление. Когда она осторожно кос-

нулась его, вещицы странным образом задвигались. Карандаш прошел сквозь яйцо, не повредив его и не оставив следа.

— Да, — негромко сказала Констанция. Дождевая вода потоками хлестала с полей ее шляпы. — Так и есть. Границы мира колеблются. Очень тревожный знак. Возможно, иной мир пытается проникнуть сюда. Такое добром не кончится. Я должна быть там. Но... мой левый локоть говорит, в тех краях уже есть ведьма.

— Ну, так значит, она со всем и разберется, — раздался тоненький голосок. Он доносился откуда-то из-под ног ведьмы, а обладатель его до поры останется загадкой.

— Нет, — возразила Констанция. — В той стороне — Меловые холмы. Мел, известняк — он немногим лучше глины. А чтобы вырастить хорошую ведьму, нужна надежная опора, хорошая, крепкая скала. — Она покачала головой, и с полей шляпы хлынули новые водопады. — Но мои локти еще никогда не обманывали меня¹.

— Что толку гадать? Давай отправимся туда и посмотрим, — предложил голос. — Все равно ведь здесь у нас дела не очень-то ладятся.

Это была правда. На равнинах ведьмам приходилось несладко. Констанция Тик зарабатывала тут жалкие гроши, помогая местным жителям исцелиться от мелких недугов и предсказывая, что

¹ Люди говорят: «Послушай, что говорит твое сердце». Ведьмы умеют прислушиваться и к другим органам. Просто поразительно, что могут рассказать, скажем, почки.

кому не суждено¹. Ночевать ей чаще всего приходилось в сараях. Дважды ее бросали в омут.

— Но если там есть ведьма, я не имею права вмешиваться, это ее земля, — сказала Констанция. — Впрочем... ведьмы ведь не возникают на пустом месте. Ну-ка, посмотрим...

Достав из кармана надколотое блюдо, она наклонила голову, чтобы наполнить его дождевой водой с полей шляпы. Затем извлекла из другого кармана бутылочку чернил и аккуратно добавила в блюдо ровно столько темной жидкости, сколько требовалось, чтобы вода почернела. Прикрыв блюдо сложенными чашечкой ладонями, чтобы не попадали капли дождя, ведьма прислушалась к тому, что говорили ее глаза.

Тиффани Болен лежала на берегу реки и, свесившись к воде, щекотала форель. Ей нравилось, как смеются форели. Когда они хихикают, у них изо рта вылетают пузырьки.

Чуть в стороне, там, где начиналось что-то вроде небольшого галечного пляжа, ее брат Винворт играл с липовым прутиком и наверняка сам быстро становился липким.

Винворт всегда делался липким, с чем бы он ни возился. Можно было вымыть его, оставить

¹ В отличие от обычных гадалок, которые говорят вам то, что вам хочется услышать, ведьмы говорят, что ждет вас в будущем, не важно, нравится вам такая судьба или нет. И хотя предсказания ведьм намного точнее, как ни странно, они пользуются куда меньшим успехом.

посреди идеально чистой комнаты и не сомневаться, что через пять минут этот ребенок будет липким снова. Не то чтобы он пачкался. Просто становился липким. Но присматривать за ним было совсем нетрудно, главное — не позволять ему есть лягушек.

Тиффани щекотала форель и думала о нескольких вещах сразу. Например, о собственном имени. Ей было девять лет, и в последнее время ей стало казаться, что с таким именем, как Тиффани, ей придется нелегко в жизни*¹. Кроме того, как раз на прошлой неделе она решила стать ведьмой, а что это за ведьма, которую зовут Тиффани? Куры засмеют.

В то же время другая, значительно бóльшая часть Тиффани была поглощена размышлениями о том, что такое «шушуканье». О таких вещах люди не часто задумываются. Тиффани щекотала форель под нижней губой, а сама все крутила в голове это загадочное «шушуканье».

Шушукать... Шу-шу-шу... В бабушкином словаре говорилось: «Шушукаться — говорить очень тихо, шепотом». Тиффани нравилось это «шу-шу-шу», нравился его привкус. Стоит покатать его на языке, и представляются загадочные люди в черных балахонах, обсуждающие свои секреты за закрытыми дверями. «Шу-шу-шу, шу-шу-шу, шу-шу-шу...»

Словарь она прочла от корки до корки. Никто ведь не говорил, что нельзя.

¹ *Смотри «Комментарии» после текста. (*Прим. ред.*)

Тут она заметила, что счастливая форель куда-то уплыла. Зато река принесла кое-что другое. И оно плыло по воде всего в нескольких дюймах¹ от лица Тиффани.

Это была круглая корзинка, размером не больше половинки кокоса, выстланная изнутри чем-то таким, что не пропускало воду. В корзинке стоял крошечный человечек, ростом дюймов шесть. Его ярко-рыжую всклокоченную шевелюру украшали несколько бусин, перьев и лоскутков. Борода, такая же рыжая, выглядела не лучше шевелюры. Человечек был весь покрыт синими татуировками, за исключением, может быть, того небольшого, что скрывалось под маленьким килтом. И этот человечек грозил Тиффани кулаком и вопил:

— Раскудрыть! А ну брыкс, ты, глуха-тупа мал-малюха! Берегайся зелен-бошки!

С этими словами он потянул за веревку, свешивавшуюся через край корзинки в воду, на поверхность вынырнул второй маленький человечек и стал жадно глотать воздух.

— Потом порыбаришь! — крикнул первый. — Зелен-бошка плюхс прям сюды!

— Раскудрыть! — завопил ныряльщик. — Драпс-драпс!

Он схватил крохотное весло и принялся проворно грести им. Корзинка устремилась прочь.

— Простите! — окликнула Тиффани. — Вы — эльфы?

¹ 1 дюйм равен 2,54 сантиметра. (Прим. ред.)

Ответа не последовало. Маленькая круглая лодка скрылась в камышах.

«Наверное, это значит нет», — подумала Тиффани.

И вдруг, к ее ужасу и восторгу, мир наполнило «шу-шу-шу». Ветра не было, но осины на берегу задрожали и зашелестели. И камыш тоже. Ветви и стебли не согнулись, зато сделались расплывчатыми, будто от мелкой и быстрой дрожи. Все вокруг потеряло ясность очертаний, как если бы кто-то взял и принялся трясти мир. Воздух шипел, как газировка. Шепот за закрытыми дверями...

Вода у самого берега запузырилась. Тут было совсем мелко, по колено Тиффани, но теперь река сделалась темнее, зеленее и каким-то образом гораздо глубже...

Тиффани попятилась, и едва она успела отступить на пару шагов от берега, как из воды взметнулись длинные тощие руки и хищные когтистые пальцы сомкнулись на том самом месте, где она стояла минутой назад. На мгновение показалось костлявое лицо с длинными острыми зубами и огромными круглыми глазами, мелькнули зеленые, похожие на тину волосы — и тварь снова скрылась под водой.

Вода еще не сомкнулась над головой чудовища, а Тиффани уже выбежала на маленький пляж, где Винворт увлеченно лепил пирожки с лягушками. Она схватила брата, и в тот же миг у кромки берега показали первые пузырьки. Снова вода

вспенилась, зеленоволосая тварь выскочила из нее, как пробка, и длинные руки вцепились в прибрежную грязь. Никого не поймав, чудовище пронзительно взвыло и рухнуло обратно в воду.

— Хо-тю пи-пи, а-а! — заявил Винворт.

Тиффани не обратила на него внимания. Она смотрела на реку и размышляла.

«Мне совсем не страшно, — думала она. — Вот ведь странно. Я должна быть напугана, а я только сердита. Нет, страх есть, я чувствую его, словно раскаленный докрасна шар где-то глубоко внутри, но злость не дает ему вырваться наружу».

— Винни пи-пи-а-а, пи-пи-а-а! — заголосил Винворт.

— Ладно, пошли, — рассеянно сказала Тиффани.

По воде все еще расходились круги, мелкие волны бились о берег.

Не было смысла пытаться рассказать кому-нибудь. Взрослые ответят лишь: «Ох уж эти детские фантазии!» — если пребывают в хорошем настроении, или: «Что еще за глупые выдумки?!» — если не в духе.

Злость Тиффани не проходила. Да как посмело это страшилище объявиться в реке? Тем более такое... такое... нелепое! Оно что, не знает, кто она такая?

Она — Тиффани, и она возвращается домой. Взгляните. Начнем с башмаков. Башмаки на ней большие и тяжелые, чиненные-перечиненные отцом и ношенные-сношенные всякими разными се-

страдами. Тиффани приходится поддевать в них несколько пар носков. Башмаки и правда большие. Порой у Тиффани возникает ощущение, будто она живет на свете только для того, чтобы башмаки могли перемещаться с места на место.

Теперь платье. До Тиффани его носило множество сестер, и ее мать столько раз ушивала, расшивала и перешивала его, что совершенно зашилась и от платья мало что осталось. Но Тиффани оно даже нравится. Длиной оно до середины лодыжек. Его изначальный цвет давно забылся, к Тиффани оно попало бледно-голубым, — кстати говоря, точь-в-точь как бабочки, порхающие сейчас над травой вдоль тропинки.

Теперь лицо Тиффани. Розовое, с карими глазами и каштановыми волосами. Ровным счетом ничего особенного. Правда, кому-нибудь — например, тому, кто стал бы разглядывать Тиффани при помощи блюда, наполненного темной водой, — могло показаться, что голова у девочки несколько великовата, учитывая ее рост и прочее. Но, возможно, голова ей досталась на вырост.

А теперь дальше, еще дальше, и вот уже тропинка — всего лишь узкая лента далеко внизу, а Тиффани с братом — две крошечные точки, ползущие по ней, и видно окрестные земли...

Эти края люди называют Меловыми холмами*. Холмы мирно лежат, греют округлые зеленые спины в лучах летнего солнца. Стада овец, щиплющие невысокую травку, сверху кажутся белыми облаками, медленно плывущими над зе-

ленным морем. Там и тут, словно кометы, проносятся овчарки.

А если отодвинуться еще дальше, виден огромный, вытянутый курган. Он разлегся на поверхности мира, будто зеленый кит...

...а вокруг него темнеет окрашенная чернилами дождевая вода в щербатом блюде.

Констанция Тик подняла глаза.

— Эти человечки в лодке были Нак-мак-Фигли!* Самые опасные из всех волшебных существ! Даже тролли бегут без оглядки, если им встретится маленький свободный народец! А один из них предупредил ее!

— Так значит, она ведьма, верно? — заключил голос-невидимка.

— В таком-то возрасте? Быть этого не может! — отрезала Констанция. — Там нет никого, кто мог бы ее обучить. На Меловых холмах ведьмы не живут. Мел слишком мягок. Но все же... она не растерялась.

Она посмотрела на Меловые холмы, парящие вдалеке над низкими, выжатыми досуха облаками.

— За малышкой необходимо присмотреть, — сказала она. — И все-таки мел слишком мягок, чтобы на нем могла вырасти ведьма...

Выше холмов были только горы. Острые, лиловые и серые, вздымались они к небесам, и длинные белые шлейфы снега стекали с их вершин даже летом. «Невесты неба», — сказала как-то

о них бабушка Тиффани, которую все звали Матушка Болен, и это было такое неслыханное дело, чтобы бабушка заговорила вдруг о чем-то, никак не касающемся овец, что ее слова врезались девочке в память. Кроме того, точнее ведь и не скажешь. Именно так выглядят горы зимой, когда они все облачены в белое и снежные вихри реют над их плечами, словно фата.

Бабушка любила старинные слова и произносила их на причудливый старинный манер. Так, она никогда не говорила: «Меловые холмы», она говорила: «мир Холмов». «Внизу — мир, а сверху ветер наделал дыр», — подумала как-то Тиффани, и так эти слова ей и запомнилось.

Вот Тиффани с братом и на ферме. Обычно девочка была предоставлена сама себе. Не то чтобы родные избегали ее или хотели обидеть, просто на ферме у всех полно дел, а Тиффани со своими обязанностями справлялась весьма хорошо, так что ее никто не трогал, и она была вроде как невидимкой. Она работала в молочне, и у нее отлично получалось. Ее масло было лучше, чем то, что делала ее мать, и все замечали, как прекрасно Тиффани удаются сыры. У нее был дар. Порой, когда в деревню внизу приходили странствующие учителя, она спускалась вкусить немного ученой премудрости. Но бóльшую часть времени она проводила в прохладе и сумраке молочни. И Тиффани это вполне устраивало — она делала свою долю работы на ферме.

Ферма так прямо и называлась: Родная ферма. Отец Тиффани арендовал ее у барона, которому принадлежала вся земля в округе. Но Болены жили на этих холмах столетиями, и иногда (после кружки пива за ужином и когда никто чужой не слышал) отец говорил: земля-то знает, что она — земля Боленов. А мать Тиффани на это всегда отвечала, что нельзя так говорить. Да, барон весьма уважительно отзывается о господине Болене и зовет его лучшим пастухом холмов с тех пор, как два года назад умерла Матушка Болен, и люди в деревне все считают, что барон последнее время очень даже ничего с ними обращается. Вот и надо проявлять уважение в ответ, говорила мать, и отец оставался один на один со своей тоской.

Но иногда он продолжал гнуть свою линию, что, дескать, Болены (а также Боллены, Балены, Больны и Болины — в те времена писали как вздумается) упоминаются в официальных записях, которые делались в этих краях и сто, и двести лет назад, и вообще их история уходит в глубь веков. У Боленов мел холмов — в костях, говорил отец, и все они были и есть пастухи.

Как ни странно, Тиффани было приятно это слышать. Хотя, наверное, она была бы не прочь гордиться и предками, которые хоть иногда переезжали с места на место или время от времени пробовали себя в каком-нибудь новом деле. Но человеку нужно ведь чем-то гордиться. И сколько она себя помнила, ее отец, обычно медлительный